

«Дорога в Ад выстлана благими намерениями...» Так оно и есть. Добро и зло, ад и рай... «Не будет зла, не будет и добра!» Всё взаимосвязано в этом бренном мире. А ещё сюда прилагается наша импульсивность и то, что мы до сих пор не приручили того зверя, который живёт в нас. Мы можем быть хорошими и добрыми, но потом вдруг... Раз — что-то щёлкает в мозгах, и мы уже всё видим глазами спрятавшегося в нас эгоцентричного зверя. Два — ты не можешь или не хочешь загнать его обратно туда, в глубину и он начинает брать верх. Три — из-за своих желаний или похоти ты подчиняешься ему... Ведь это так просто потом свалить всё на сложившиеся обстоятельства или состояние аффекта... И вот ты, уже действуешь не думая или как говорят думая причинным местом, без оглядки на нормы морали и цивилизованность. Именно так, как делали наши далёкие пращуры или делают животные, хотя, надо признаться, что и у последних бывает верность и подобие какой-то человечности.

* * *

Было 31 декабря, до Нового года оставалось всего ничего. Дочь, студентка первого курса собиралась встречать праздник с подругами. Конечно, я не мальчик и понимаю, что кроме подруг там буду и друзья. И что они там будут делать... Об этом лучше не думать. — У неё есть хоть какая-то определенность, — подумал я, смотря, как хлопочет Леночка, собираясь на праздник, — ну а у меня как у Высоцкого: «Выхода нет, есть только вход и то не тот!». Моё приглашение для встречи Нового года с друзьями подруги, аннулировано! Сам я разведен, а дочь живёт со мной. Почему? Видите ли, у меня слишком пуританские взгляды на взаимоотношения мужчины и женщины. И по мнению, моей уже бывшей пассии это проявилось, когда я застукал её в постели с тренером по фитнесу. Знакомые слова сих пор режут ухо: — Это только секс, для снятия напряжения! А жить и быть я хочу с тобой... — притом, что она продолжала изображать ковбоя на его члене...

Я развернулся и ушёл. Она звонила несколько раз. Я не брал трубку. Потом мы встретились. Нет, мы не ругались, но и не миловались. А та пощёчина, когда я назвал её шлюхой, оказалась последним разорванным звеном в наших отношениях. Итак, что у нас в пассиве: — Я остался один! — Мне не с кем встречать Новый год! — Ну и «весёлые» выходные в количестве одиннадцати дней... — И последнее, яйца прямо лопаются от напряжения и избытка спермы... Каков актив: — Бутылка водки и шампанского в холодильнике... — Есть телевизор.

* * *

Решив, что мне уже ничего не может помешать начал разговляться. Приготовил нехитрую закуску: положил в блюде икры, заморской кабачковой; начикал сала и колбаски; порезал сыра. Потом достал из холодильника тут же запотевшую водочку и налил стопку. Как это ни странно, пошла она хорошо. Закусив бутербродом с «импортной» икрой, налил себе ещё. Так и сидел около телевизора, помаленьку попивая водку, временами выходя на балкон покурить. Не сказать, что я окосел, но меня стало пробирать. Где-то около одиннадцати вдруг позвонили в дверь. Никого, не ожидая, я вздрогнул. Потом пошёл и открыл дверь. За дверью стояла Алина подруга дочери. Насколько я знаю, она жила в общежитии и как она здесь очутилась, я не понял. Она была вусмерть промерзшая, зареванная и выпившая. — Что случилось? — поинтересовался я, отступая в сторону и давая ей зайти. — А Лена дома? — сквозь слёзы проревела она, проходя в коридор. — Нет, ушла к друзьям... — ... — ещё громче

разрыдалась она. — Да, что случилось? — Он меня бросил... Променил на какую-то шалаву... Я убежала, а когда вернулась... Он ушёл с той стервой... Посмотрев на её дрожащие губы почти синего цвета, я приказал: — Давай проходи. Я тебе для сугрева налью и горячую ванну наберу. У тебя же зуб на зуб не попадает... — Я домой пойду... — завывала она белугой, но не двинулась с места. — Не дури! Давай проходи, сто грамм и в ванну. Я сейчас воду пуцу, снимай обувь... Я перевёл взгляд вниз и у меня по спине побежали мурашки. (Я знаю, что вы подумали: красивые ноги; короткая юбка; в квартире никого...)! А вот и нет! Эта молодая дурочка была в капроновых колготках! А ещё днём температура на улице упала до минус пятнадцати, а сейчас стала не меньше минус двадцати! Она нагнулась, пытаясь расстегнуть красивые, но на «рыбьем смеху» сапоги. Только замерзшие пальцы не слушались. Я встал на колени, молодые любят преклонение, и, расстегнув, стащил сначала один потом второй сапог. Её маленькие ступни были не теплее рук. «Рыбий мех» и тоненькие носочки! — Да о чём эти дуры думают, — пронеслось в голове, — им же ещё рожать! Простудят всё, а потом лечатся! Провел её на кухню, посадил к батарее, щёлкнул чайником и побежал набирать ванну. Когда вернулся, она сидела, сгорбившись, положив руки на горячую ребристую поверхность батареи. Быстро прошёл в комнату и притащил свою закуску с оставшейся водкой. Для начала плеснул её почти полный стакан и заставил пить. Пару глотков она сделала, как будто не замечая, что пьёт. На последнем подняла глаза, и я увидел, как они расширились.

— Пробрало! — понял я. Глотнув, она раскашлялась. — Что это? — давась, промямлила она. — «Сибирская», — ответил я, — сорок пять процентов спирта, самое то когда промёрз! Не вступая в дальнейший разговор, плеснул водки себе на руки и стал растирать Алине руки. Когда она заскулила от боли, выдал: — Давай снимай колготки, ноги тоже разотру. Она приподнялась, а я, не говоря ни слова, залез под коротенькую юбку и, нащупав резинку, стянул колготки почти до колен. Вместе с ними из-под подола показались и трусики. — Ой, — покраснела она, пытаясь натянуть трусики обратно. А мне было не до её белья. Я, сняв и бросив на пол колготки, уже растирал водкой её ноги начиная со ступней.

Когда она начала вырываться, почувствовав боль, отпустил её и пошёл в ванну посмотреть как там вода. Набралось уже больше чем полванны, и я крикнул: — Алина иди сюда! — а когда она приковыляла, показывая, продолжил, — вот полотенце, там всякие гели, но лучше просто садись в ванну и грейся. Будет чудо, если ты не сляжешь... — и, повернувшись, ушёл в кухню. Уже оттуда я прокричал: — Сейчас чайник закипит, и я тебе с малиной чайку намешаю! Достал банку, положил малины в чашку, налил чаю. Вдохнул поплывший по воздуху аромат. Потянуло холодом из открытой форточки. Резко по ушам ударил вой ветра за окошком, и у меня всплыл в памяти, казалось, хорошо забытый инцидент. Я встал как вкопанный вспоминая. Тогда был неновый год, но тоже холодно. Как мне помнится, где-то середина февраля...

* * *

Я поругался со Светой, моей девушкой и на ходу натягивая осеннюю курточку, выскочил на улицу. Кстати, тогда то же похолодало и «одет, я оказался не по сезону», днём было тепло. Прошатавшись с час по улице, забрёл в забегаловку, где для согрева выпил две по сто. Потом добавил пива. Через час я так раззадорился, что решил идти выяснять отношения. Но вот решимость закончилась на полпути до её дома, и я долго слонялся вокруг, не смея зайти, пока не замерз вусмерть. Когда у меня застучали от холода зубы, я решился. Зашёл, позвонил. Дверь открыла её мать: Любовь Семеновна. Они жили вдвоём, и я считал её старой, всё же

сороковник разменяла, хотя её вид меня всегда возбуждал. Невысокая, довольно стройная для своих лет. Подтянутая с короткой прической и огромными прямо безразмерными грудями. И ещё. Она не носила дома лифчик, а все халаты были, как бы сказать со встроенным лифом, и большим декольте... Так что при любой возможности я незаметно заглядывал туда! Но, увы, самое большое моё достижение в этом было то, что я увидел один раз кусочек темного ореола около соска. Не сказать, что я хотел её трахнуть, но вот притягивала она меня точно! Увидев меня в таком состоянии, она заставила меня снять курточку и потянула в ванну. А она одной рукой сжимала груди, крутя и оттягивая соски за золотистые гантельки, а второй оттянув боковую резинку трусиков, ласкала вульву. Хрипы, чмокание, бессвязные возгласы и тяжелое дыхание заполнило маленькое влажное помещение. Увлечшись, я только в последнее мгновение сообразил что приехал: — Кончаю! — торжественно просипел я и попытался отстраниться, что бы сперма ни попала в мою, вероятно, будущую тещу. Но она словно ждала этого, и вцепилась в меня как клещами, не выпуская фаллоса изо рта. Моя мошонка сделалась маленькой, а яички такими большими... Все мышцы напряглись, и благодные спазмы, охватившие тело, заставили выплескивать сперму ей в рот. Раз за разом. А Любовь Семёновна, продолжая всё так же нанизываться на меня, стала захлёбываясь от усердия её глотать! Часть, вытесняемая ходившим во рту членом, выступила в уголках губ, текла по подбородку, капала на груди... Мы замели, я прижал её голову к телу, не покидая его. Приятные спазмы оргазма всё еще раздирали моё тело, доставляя мучительное наслаждение.

А потом она стала вырываться, и я отпустил её. Откинулся назад, в истоме привалившись к стене. Она сделала несколько натуженных вздохов, и с нежностью посмотрев на меня, почти промурлыкав: — Я надеюсь, ты ещё не выдохся? Можно было бы продолжить в более удобном месте... У меня в кровати, например?! — ворковала она, собирая пальцем капли спермы и смачно облизывая его. — Вряд ли... — хотел я сказать, но мой организм был другого мнения! С удивлением обнаружил, что мой поникший орган опять встаёт в стойку, а сам я, прямо до дрожи в коленях хочу её трахнуть! — Вот чем мне молодые нравятся! — чуть не пропела она, протягивая руку и поглаживая фаллос. А я, вспомнив, кем является эта женщина и мне стало нехорошо. А потом представил, что сейчас откроется дверь и войдет Света... Аж передернул плечами. Но вот мой организм отреагировал на эту фантазию по-другому. И без того напряженный задрожал, чуть покачиваясь, головка вылезла из крайней плоти, а до предела натянувшаяся кожица буквально заблестела.

* * *

Сидя около лежащей с закрытыми глазами Алины я гладил её поджарое тело. Моя одежда валялась на полу, а член торчал под углом вверх похожий в сумраке на дубину. Она тяжело дышала приоткрытым ртом. Мелкая дрожь волнами расходилась от мест касания руки горячего тела. Я нагнулся, поцеловав её носик, а потом припал к губам. Она, обвила мою шею, отдаваясь, поцелую, а её язычок быстрой змейкой проник в мой рот. Я сжал розовые сосочки, она всхлипнула, теснее прижимаясь ко мне. Рука скользнула по задрожавшему от прикосновения животу и прижалась к лобку. Коротенькие волоски мягко проскальзывали под ладонью. Я, ухватив за них, потянул руку вверх. Явственно чмокнула, и тело Али задрожало, а бёдра стали двигаться. Она, как бы стремясь прижаться к моей ладони, простонала: — Ну что ты со мной делаешь?! — Пока ничего! Только ласкаю... — прошептал я ей на ушко. — Про-дол-жай... — почти по слогам произнесла она, отдаваясь ласкам.

Мои губы пробежались по шейке и двинулись к не очень большому, но упругим как мячики грудям с торчащими вверх и в стороны соскам. Поцелуй, с захватом соска губами... — Да... Ещё... Вторую... — Конечно, — я перекинулся на второй сосок, а потом опять приник к первому. — Меня так никто не ласкал... — с придыханием признательно выдохнула Алина. — А животик тебе целовали? — приник я к ложбинке пупка, запуская туда кончик языка. — Не-е-ет... — она дёрнулась. — А здесь? — я, вывернувшись, подхватил её под коленки, поднял ноги вверх и развёл в стороны. Не дожидаясь ответа, провел горячим языком между влажных от воды и соков пухлых губ. — Не-ет... — переросшее, — в да-а-аа! Ещё!

Опустив ножки вниз я, уже без понуканий обрабатывал языком и губами «возбужденную» вульву. Она крутилась в моих руках: то, пытаясь увернуться от избытка чувств; то, наоборот, выпячивая промежность, стараясь усилить контакт между моим лицом и своей киской. Она уже не говорила, а только стонала, иногда переходя в торжествующий крик. А когда мой твердый язычок проник в её пещерку, она замерла. Мышцы живота ритмично задергались и, закричав, она стала кончать, забившись как в судороге на кровати. Руки, раскинутые в стороны, комкали одеяло, голову мотало с бока набок, маленькие ступни сучили по простыне, как будто пытаясь содрать её с постели. И словно апофеозом произошедшего в забытый дальней комнате включенный телевизор начал «бить курантами»! * * *